

Письма в Художественный театр. 1917–1918

В научно-исследовательском секторе Школы-студии МХАТ готовятся к публикации «Письма в Художественный театр. 1898–1928». Книга была начата еще в начале 1970-х гг. тогдашним коллективом научного сектора – В.Я. Виленкиным, И.Н. Виноградской, Л.М. Фрейдкиной, И.Н. Соловьевой. Изучив и прокомментировав тысячи страниц писем от первых дней создания МХТ и до 1959 г. (года смерти Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой), они так и не довели задуманное до публикации.

Виноваты ли были внешние причины, или добросовестность исследователей не дала им выпустить книгу с зияющими лакунами, которые невозможно было заполнить в начале 70-х гг.? Уже не выяснить...

Очевидно лишь то, что сегодняшние времена способствуют преодолеть тогдашнее отсутствие доступа к зарубежным архивам и цензурные ограничения в публикации данных о жизни эмигрантов из революционной России (а их десятки среди авторов писем в МХТ). Также как десятки авторов публикуемых писем сгинули в подвалах НКВД и лагерях ГУЛАГа, и только в последние десятилетия появились публикации об их судьбах (спасибо всем причастным, особенно деятельности «Мемориала»).

Новый редакционный коллектив, в который вошла И.Н. Соловьева, обеспечивающая преемственность времен и людей, ограничил исторические рамки исследования тридцатью годами «золотого века Художественного театра» – с 1898 по 1928 г. Временем, когда тайна переписки гарантировала, что никакие другие глаза, кроме адресата, не увидят содержания письма. В МХТ писали откровенно, как своим, домашним, исповедовались, советовались, распахивали потаенные уголки души. Начиная с конца двадцатых годов, авторы писем уже боятся писать открыто, опасаясь и перлюстрации писем, и возможных обысков у их адресатов. Фигуры умолчания становятся важнее написанного...

Книга «Письма в Художественный театр» задумывалась как попытка взглянуть на театр глазами тогдашних зрителей, часто фиксирующих детали и подробности, ускользнувшие от историков. И мы надеемся, что это издание поможет уточнить и откорректировать многое в мхатовской истории. Но сам материал, его внутренняя логика ведет исследователей дальше.

Как зрительный зал смотрит на сцену и живет ее переживаниями и откровениями, так и сцена всматривается в зрительный зал, ловит его дыхание. В книге «Письма в Художественный театр» два протагониста – Художественный театр и его коллективный зритель, тысячеликкий, предельно разный, объединенный разве что тонкой паутиной привязанности к своему театру (и эта паутина оказывается прочнее любых сломов жизненных укладов)...

В точке Художественного театра пересекаются бесчисленные нити связей русских людей; существование этого театра от времени его открытия оказывается чем-то, что центрирует интересы и силы, и чувства. Если бы кто-то захотел писать роман русской культуры,

то в двадцатом веке, кажется, не найти места, где героям естественнее сойтись для встреч и разрывов, чем дом в Камергерском.

Предлагаемая подборка включила письма двух переломных лет в истории России – 1917–1918 гг. От безмятежного января, когда руководитель Малого театра А.И. Сумбатов-Южин в письме к другу и свойственнику Вл.И. Немировичу-Данченко как о главной проблеме пишет об «опошлении» театрального репертуара, которое подталкивает его к уходу из горячо любимого дела... Потом наступает эйфория Февральской революции, которой поддается даже здравомыслящий Б.М. Кустодиев, обезноженный, лежащий в своей петроградской квартире и наблюдающий происходящее из окна; он радуется, что вчерашние вершители судеб сидят в Петропавловке, и верит, что «как во сне или, лучше, в старинной “феерии”, все провалилось куда-то старое, вчерашнее; на что боялись смотреть, оказалось не только не страшным, а просто испарилось “яко дым”»... Историк А.Е. Пресняков верит: «с нами Бог и Свобода!». Увлекающийся Л.Н. Андреев прямо торжествует, что посадили И.Л. Горемыкина и что Николай II в тюрьме и его ждет расплата...

Кровавую дань платить пришлось не только императору, но всей большой стране – каждому ее сословию...

Эйфория длилась недолго. К осени от нее ничего не осталось, и уже во второй половине ноября 1917 г. Мария Ермолова пишет Станиславскому: «общая беда объединила нас вместе» и заканчивает письмо: «да поможет нам всем Бог!».

А.И. Сумбатов-Южин – Вл.И. Немировичу-Данченко
14 января 1917
Москва

Мой дорогой Володя!

Твое письмо так ценно лично для меня и так значительно по отношению к ряду важных общих вопросов, что я не могу ответить на него тем спешным и неизбежно скомканным ответом, какой я мог бы дать теперь, среди сутолоки сезона¹. Но в ближайшем я засяду на всю ночь за мой стол и напишу тебе все, на что меня натолкнуло твое письмо, так же искренно, тепло и правдиво, как это сделал ты. Пока я только горячо благодарю тебя за него. Очень горячо. Оно было для меня большою и настоящею радостью.

Но во второй его части я отчетливо вижу, что ты многое объясняешь себе не так, как оно есть, и в отношении освещения вопросов, и в отношении объяснения себе причин, вызывающих то, что ты так сурово осуждаешь.

Я долго думал, не сойтись ли нам для личной беседы.

Но, по-моему, лучше, если мы это сделаем после того, как я тебе напишу.

Театр все более и более опошляется – все равно, какой театр, и старый, и эволюционный, и революционный, – наплывом, грозящим перейти в потоп, таких внутренних его факторов, которые обессиляют самые лучшие его стороны. Все больше и больше у меня лично зреет решение совсем уйти из него. И – я себя знаю, – если в глубине души у меня появляется черная точка, я не в силах ее выгнать никакими доводами, никакой личной инициативой. Из этой точки и вырастают мои решения, которые долго зреют, но назревают быстро и часто внезапно. Об одной из таких точек я и буду тебе писать, а теперь только обнимаю тебя и еще раз всею душою благодарю. Такие письма, как твое, мне так дороги, как ты и сам не знаешь.

Твой А. Сумбатов

Б.М. Кустодиев – В.В. Лужскому

6 марта 1917

Петроград

Дорогой Василий Васильевич!

Целую Вас и поздравляю с великою радостью. Вот Вам и Питер! Давно был под подозрением у Москвы за свою «казенщинность» и «не-темпераментность», а тут взял да и устроил такую штуку в 3–4 дня, что весь мир ахнул². Было жутко и радостно все время. Глаза видели (я, конечно, мало видел, только то, что у меня на площади под окнами), а ум еще не воспринимает. Как будто все во сне, и так же, как во сне или, лучше, в старинной «феерии», все провалилось куда-то старое, вчерашнее; на что боялись смотреть, оказалось не только не страшным, а просто испарилось «яко дым»!!! Как-то теперь все это войдет в берега и как-то будет там, на войне. Хочется верить, что будет все хорошо и там. Ведь это дело показало, что много силы в нашем народе и на многое он способен, надо только его до предела довести. А уж, кажется, он «доведен» был, особенно нашими «охранителями».

Здесь все еще кипит, все еще улицы полны народом, хотя порядок образцовый. Никогда еще так не сетовал на свою болезнь³, которая не позволяет мне выйти на улицу – ведь «такой» улицы надо столетиями дожидаться. Все сдвинулось, передвинулось, а многие так и вверх дном перевернулись – взять хотя бы вчерашних вершителей наших судеб, сидящих теперь в Петропавловке! «Из князи да в грязь!»! «Коловращенье судеб»! Туда им и дорога.

Как у Вас? Все ли живы, здоровы?

Все думаем о лете и не знаем, где и как будем. Хотим очень в Евпаторию, но пока еще не удастся – занято все или не присылают ответа. Начинаю делать попытки становиться (на одну ногу) и делаю это уже по несколько минут – и за то спасибо. Работаю запоем, благо работы полны руки. Жена и дети шлют привет Вам и Перетте Александровне. Мой поклон Саше и Жене⁴ с супругой.

Всего лучшего.

Ваш *Б. Кустодиев*

А.Е. Пресняков⁵ – В.В. Лужскому

8 марта 1917

Петроград

Сердце сердцу весть подает, дорогой Василий Васильевич!

Собрался Вам привет послать, а Юля Вашу открытку приносит мне со словами: «Василий Васильевич уже написал тебе, а ты только собрался!». Спасибо за добрую память. Да, свершилось! По выражению Амфитеатрова, «сердце рычит от радости». Какой чужой и серой казалась прежняя жизнь – после 1905–6 года, такой и дальнейшие годы – до великой войны и великой революции – покажутся теперь. Счастлив, кто дожил до наших дней. А впереди еще сколько большого, значительного: ведь революция русская только началась и не завтра она кончится. У нас жарче вашего было, жарче и будет. Жизнь кипит кругом, настоженная, возбужденная, радостная, но тревожная. Значение Великой русской революции будет не такое как вспышек 1830 или 1848 года, а подобно Французской 1789-го она должна в своих последствиях получить значение новой исторической эпохи, хотя, быть может, и не в тех смыслах, как Вам мечтается. Однако переход на новые рельсы потребует много организационной работы, которая нелегка будет. Не обойдется и без борьбы, которой дай Бог, оказаться такой же скоротечной, как

Борис Кустодиев. 27 февраля 1917 г. Фрагмент. 1917

первая (на это я, впрочем, не очень-то надеюсь). Главное, существенное сделано; но целиком дело – только начато и много, много еще впереди. С нами Бог и Свобода. Привет Вам и всем Вашим от Юлии Петровны и мой. Аля⁶ просит передать Вам особый поклон.

Ваш А. Пресняков

Из письма Л.Н. Андреева – Вл.И. Немировичу-Данченко

14 марта 1917

Петроград

Итак, гражданин, – «Савву»-то будем ставить?⁷

«Пророк я или нет?» – как говорит Самсон⁸.

Нет, курьезно, 23 февраля я пригрезил, что скоро у нас будет временное правительство и членом его будет пораженец Горький. Когда я рассказал это Анне, она дико хохотала и с презрением смотрела на меня. 26-го, когда все интеллигенты сидели, повесив носы и уверяли, что начавшееся движение создано провокацией (о провокации все твердили с ужасом) и что оно будет разгромлено, я сказал Гредискулу⁹, что жду временного правительства. Он вытаращился на меня, как на больного, а вслух кротко упрекнул в оптимизме... через день же поздравлял, как человека «правильного мышления».

Это как будто слишком лично – но я не могу не радоваться, что я с первой минуты войны стал на правильную дорогу, что мне не приходится раскаиваться ни в одном слове. А как меня поносили и презирали – тот же Горький. <...>

Но это пустяки. Главное – рыжий Николай в тюрьме¹⁰. Здорово хорошо. Я нездоров, как клиника, а все же ликую, как Исая! И в будущее гляжу спокойно и с уверенностью. Главное – верю в народ. Он и никогда не был глуп, а война организовала его и пробудила в нем чувства патриотизма, гражданского долга и ответственности. Было поразительно, как с первых часов революции, когда всюду еще валились от выстрелов, по всему народу зашумел клич: «организовуйтесь!». Положительно каждый на свой лад стремится к организации и, ломая правой рукой, левой уже торопливо строит. Это война сделала!

Наша квартира была в центре событий (на наших глазах начался и разгорелся первый военный бунт павловцев, включая убийство командира), а благодаря телефону, ежеминутно дававшему мне сведения из разных концов города о ходе событий, я находился как бы в штабе революции. Особенно поразителен был день 27-го, когда за окнами шла стрельба, а телефон последовательно доносил о «преображенцах, идущих на приступ арсенала с развернутыми красными знаменами», кончая взятием Петропавловки. Все эти дни я выходил на улицу, когда днем, когда ночью, а 1-го был в Думе – вошел туда без пропуска через популярность и ура, – видел свеженьких, арестованных Горемыкина и компанию¹¹, видел необычайную картину Таврического дворца¹², видел непрерывные шествия с музыкой солдат, крики ура, стрельбу из засад и прочее.

Посылаю так, а то никогда не кончу.

Ныне ложусь на 2 недели отдохнуть в лечебницу Абрамова, где Вы у меня были в прошлом году. Совсем развинулся.

Крепко жму руку. Черкните строчку.

Ваш Л.А.

Ф.Д. Батюшков¹³ – Вл.И. Немировичу-Данченко

16 мая 1917

Петроград

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Ваше письмо меня очень огорчило. Вы хотите отнять у нас талантливую артистку¹⁴ и прибегаете к аргументу «широкого отношения к

Художественному театру». Но ведь каждый театр – отдельная самостоятельная ячейка, которую нельзя обессиливать из симпатии к другой. Вам, понятно, известно, что я большой почитатель Художественного театра и радуюсь всякому его успеху. Знаю и то, что пребывание артистки в Вашей труппе, под Вашим руководством может ей быть на пользу. Но как же мог бы я содействовать в той или другой мере обессилению нашей «образцовой сцены»? Разве я менее дорожу составом Александринской труппы? Разве я не должен особенно теперь содействовать, по мере сил, тому, чтобы она сохранила свои лучшие дарования и даже, в будущем, была восполнена лучшими силами? Я предполагаю, что и Вы не враг государственных театров, в частности александринцев. Разве бы я решился просить уступить кого-либо из Вашей труппы нам? Гзовская, вероятно, по личным мотивам перешла в Малый театр. Я не знаю, что побудило ее на этот переход. Правдин мне об этом глухо сказал. От Е.И. Тиме я не слышал выражений каких-либо неудовольствий; вся труппа ее очень ценит; играет она много и успешно; основной репертуар составлен в предположении ее неперменного участия, и теперь пришлось бы его переделывать. Насильно никто не может удержать в своей корпорации артиста, который не хочет в ней остаться, но недоумеваю, чем мы заслужили гнев Елизаветы Ивановны. Ее воля решать, сохраняю за собой право огорчаться.

Прошу верить совершенному уважению и преданности.

Ф. Батюшков

А.И. Сумбатов-Южин – Вл.И. Немировичу-Данченко

3 июля 1917

Сельцо М. Покровское

Дорогой Володя!

Пишу тебе мое традиционное письмо за двенадцать дней до твоих именин с полной неуверенностью, что оно опоздает только на двенадцать дней, и ты его получишь к 27 июля.

Мы все тебя и Котика горячо поздравляем и целуем. Я никогда не любил пожеланий, но теперь от них трудно удержаться. Желаю тебе спасти хоть театр от той бездны, куда рушится многое. Вряд ли ты найдешь человека, который больше меня был бы предан этой мысли и жил бы этой мечтою наравне с тобою. Временно, даже очень кратковременно, нам придется работать в этом одном направлении в разных плоскостях,

М.А. Вербов.
Портрет
А.И. Южина.
Фрагмент. 1924

но если не только мы с тобою, но и многое другое будет живо, я не сомневаюсь, что очень скоро обе плоскости сольются в одну.

В моей плоскости, от которой ты благоразумно отошел, очень трудно. Хотя мне и удалось обособить Малый театр, но в нем самом и в одном довольно причин для пессимистических прогнозов. Десятилетия бессистемного пополнения труппы и безыдейной организации всего дела оставили такие следы, которые не дают возможности создать что-нибудь цельное и сильное на месте, сплошь покрытом и плохим, и хорошим, и ценным, и всякою дрянью. Если ты хочешь строить дом, тебе прежде всего нужно расчистить место для постройки. Раз этого не сделано, то до тех пор, пока это сделано не будет, твердо и решительно, можно ограничиться только надстройками, пристройками, частичными улучшениями и таким же частичным устранением наименее ценного или наиболее вредного, да и то не сразу. Стильного замка не выстроишь.

Внимательно глядяваясь в дело, я прихожу к непреложному убеждению, что я верно формулирую этими общими выводами реальное положение государственных, в частности, единственно меня интересующего – Малого театра. Автономии для его процветания мало: нужно его внутреннее оздоровление, которое потребует операций более решительных и сложных, чем предложено, а в особенности – применено. Все эти мысли приводят меня к решению отстраниться, как только обстоятельства (не личные, разумеется) позволят

мне это сделать, от административного управления, как я уже в марте отстранился от управления художественного. Вероятно, я начну сезон, два-три месяца его проведу – сложу должность Уполномоченного¹⁵ (то есть фактически, – по смыслу Временного положения, бывшего директора по Малому театру). Чтобы действительно что-нибудь сделать для него, надо иметь право, которого нет ни у одного администратора какого угодно дела: права отрицать то, чем администрируешь, его основные начала и его формы. Особенно в государственном учреждении это право для администратора равносильно отказу от дела. Так и надо сделать.

То, что я тебе пишу, вовсе не значит, что я изменил свои взгляды на направление, на художественную ценность, на – говоря избитым выражением – «традиции» того Малого театра, который меня вобрал в себя целиком. Больше скажу – верю... больше того, я **знаю**, что в нем и теперь единичных сил для того, чтобы он стал тем, чем он должен быть, больше, чем достаточно. Но как в капле воды или в маленьком зеркальце отражается целый лес, так и в Малом театре отразилась судьба всей России. Как в ней под видом видимого порядка и строгой дисциплины столетиями внедрялись начала протекционизма, привилегий положения в ущерб действительной ценности работника, как в ней губернаторами и всякими начальниками и вершителями судеб дела являлись люди не по способностям, а по выслугам и связям, как в ней люди чванились должностями и чинами и все играли роли, на которые по способностям права не имели, так и в театре многое получало значение и вес по тем же мотивам. Как мог какой-нибудь действительный статский советник претендовать на распоряжение судьбою целого края потому, что он «32 года служил верою и правдою», так и в театре, начиная с Дурново и Вильде, играли главные или важные роли те, кому и понюхать их не подобало, и потому, что они их играли, они пользовались правами, голосом и всякими привилегиями. Так же, начиная с них и кончая их современными заместителями, живые силы театра всегда угнетались этими же элементами и по тем же мотивам.

И так же, как теперь в России претендуют на власть те элементы, которые были подвластны и которые по чистой правде ничем иным быть и не могли, так и в бывших императорских театрах теперь забирают права такие же лица.

И так же, как в целом государстве, эти элементы основывают свои притязания на власть и влияние на том, что в числе прежних

представителей влияния и власти были зловредности и бездарности, так и в театре **все** хотят права распоряжаться делом потому, что раньше распоряжались **единицы**, сплошь да рядом или неспособные, или зловредные. Достаточное ли это основание?

Подо всем этим и в государстве, и в его крохотном отражении – театре по существу кроется надежда воспользоваться для себя одного поднявшейся бурей, которая щепку выносит на гребень волны и топит дредноут. А щепок куда больше, чем дредноутов.

Видишь, куда, в какие отвлеченности меня занесла параллель. Спускаясь на твердую почву, я хочу тебе сказать, что, по-моему, прежний порядок существования государственных театров как правительственных учреждений в дальнейшем немыслим. Какова бы ни была форма государственного устройства будущей России, всякое художественное учреждение **должно быть**:

1. **Не управляемым, а субсидируемым**, и постольку, поскольку оно само по себе **художественно ценно**.

2. Во всяком художественном учреждении, а значит и в театре, пользующемся государственною поддержкою, **художественные заслуги каждого отдельного лица в прошлом должны давать право на почет и материальное обеспечение, но не на влияние на ход дела и на участие в нем**.

3. Ни в настоящем, ни в будущем **все лица, которые не являются художественно ценными, не должны иметь влияние на ход художественной работы**, пользоваться каким бы то ни было участием в его управлении и даже теми последствиями чисто материального характера, которые я перечислил во втором пункте.

Это вызовет ряд протестов и обвинений меня в недостаточной демократичности. И это будет неверно. Во всех видах и формах **трудо-вой** жизни все работники, независимо даже, может быть, от их дарований, имеют равные права на продукт и последствия своей работы. Но там, где ценность производимого обуславливается не тем или другим трудовым напряжением или даже самим фактом наличности **работы**, а **исключительно** наличностью **таланта**, там – невзирая ни на какие веяния времени – дело является по своему смыслу и сущности аристократическим, принадлежащим всецело тем, кто может сотворить художественную ценность. Позволю себе грубый пример: как ни велико значение сильной рабочей лошади, как ни заслуживает она хорошего ухода, всех условий прекрасной жизни, она не может (или если может,

то ни к чему) быть заводчиком и творить то, что дороже всего, то есть будущее. Художник творит еще большее. Ты это знаешь – вывод из этого сопоставления не тебе мне объяснять.

Я знаю, что ты, читая все это, скажешь, что я ломлюсь в открытую дверь. Что это все так верно и ясно, что не стоит об этом писать. **Теперь-то** не стоит?! Теперь надо себя ежедневно, как молитвою, укреплять этими трюизмами, иначе собьешься с пути. И эти трюизмы я сделаю вехами, по которым пойду в поднявшуюся пургу к тому театру, о котором все еще мечтаю в 60 лет.

Писал бы тебе не час, а неделю. Но недель-то этих мало – все разобраны. Я едва 26-го вернулся в Покровское. За 5–6 недель, в течение которых, кажется, придется побывать в Москве, надо так много сделать, что ужас берет: 1) отдохнуть, иначе не вытяну будущего сезона; 2) сделать работы, на которые нужно месяца три. Вот и совмести все. Целую тебя крепко, как люблю и уважаю тебя, мой дорогой Володя. И ручки Коте.

Твой *Сумбатов*

Е.Н. Вавилова¹⁶ – К.С. Станиславскому
30 августа 1917
Москва

Глубокоуважаемый Константин Сергеевич!

Простите, что пишу Вам, – но думаю, что Вы не посетуете.

В настоящее время в Москву приехал из Петрограда Петр Алексеевич Кропоткин¹⁷. Проведя почти всю жизнь в изгнании, теперь, на склоне своих лет, он страшно дорожит и ценит все хорошее, родное и прекрасное, чем богата и что может еще дать ему русская жизнь. В частности, недавно мне случайно пришлось узнать, что Художественный театр особенно его привлекает.

Надеюсь, Вы поймете, что после некоторого колебания я решилась написать Вам об этом, надеясь, что Вы, может быть, найдете возможность доставить Петру Алексеевичу от имени дирекции театра возможность ближе ознакомиться с ним?

Поселился П.А. Кропоткин на Бол. Никитской, д. 44, телефон 4.4.3.3.3.

Примите уверения в совершенном уважении и преданности
Е.Н. Вавилова

М.Ф. Андреева – К.С. Станиславскому
18 сентября 1917
Петроград

Дорогой Константин Сергеевич! Прежде всего – здравствуйте!

От всего сердца шлю Вам самый душевный, любящий привет. Затем – частенько, поглядывая на Ваш портрет, с тревогой думаю о том, как-то Вы переносите бурные события, которыми так полна жизнь, и очень хотелось бы, хоть в двух строчках, получить весточку от Вас о Вас, о Марии Петровне и всех, кто близок Вам. Может быть, соберетесь сделать это как-нибудь? Буду ужасно, ужасно рада.

А в-третьих, обращаюсь к Вам с большой просьбой: ко мне явились рабочие Русско-Балтийского судостроительного завода в Ревеле и просили помочь им организовать театральное дело. Они предлагают: организовать проезд в Ревель (из Москвы или Петрограда – безразлично), то есть получить разрешение, билеты и все прочее (проезд туда и обратно за их счет), помещение в Ревеле, берут на себя заботу о продовольствии, утверждают, что сейчас в Ревеле совершенно безопасно от немцев, труппу хотели бы иметь, включая режиссера, пом. режиссера и суфлера, в 25 человек, считая гонорар от 300 до 500 рублей в месяц на каждого, аванс могут выслать на Ваше имя или кого им укажут. Театр на 1000 человек зрителей, валовой расход в месяц на аренду, освещение и отопление 2000 р.

Это бывший немецкий театр, говорят, очень хороший, в хорошем виде, с запасом недурных декораций, бутафории и прочего инвентаря. Сейчас он находится в ведении Просветительного общества «Заря» при Русско-Балтийском заводе.

Не найдете ли Вы возможным и желательным отправить туда отдельную студию Художественного театра? Мне казалось бы это в высокой степени желательным, так как рабочие имели бы хороший театр с хорошими актерами, а актеры – чудесную аудиторию, заработок и все прочее.

Телеграфируйте мне, пожалуйста, срочно – Петроград, Кронверкский просп. 23, кв.10, Ваше мнение и согласны ли будут студийцы принять такое предложение, ибо, если Вы откажетесь, буду искать других способов; но грустно это будет чрезвычайно. Рабочих там до 50. 000 и жителей свыше 100. 000, сейчас же там играют плохие любители всякую дрянь.

Если Вам интересно, что я сейчас делаю, – с головой ушла в работу по Народному дому бывш. Николая II, если захотите – написала бы подробно как именно¹⁸.

Жму крепко руку. Всем привет.

Ваша *Мария Андреева*

А.И. Сумбатов-Южин – Вл.И. Немировичу-Данченко

6 октября 1917

Москва

Мой дорогой, милый, горячо любимый Воля!

Прости меня: благодаря тому, что твоя литературная работа началась гораздо раньше постановки «Шиповника», я, любя и ценя высоко твой изящный вкус, твою вдумчивость, полную действительного литературного таланта, твою высокую требовательность к себе, никак все-таки не могу себя приучить к точной юбилейной твоей дате¹⁹. Между тем как бы мне хотелось быть организатором дружеского, интимного, но из отборного состава участников, чествования твоей воистину из ряда выходящей, полной величайшего, мало оцененного значения деятельности в области театра и литературы. Позволь мне это взять на себя. Это – просьба секретная, и я не жду на нее твоего ответа, а примусь за осуществления этой мысли, давно меня захватившей, на деле и немедленно.

Теперь это чествование получит особенно значительный характер. Между прочим, я о нем завтра же особо буду писать Анатолию Федоровичу Кони, а здесь организую небольшую группу из близких нам по духу людей (Н.В. Давыдов, А.А. Кизеветтер, О.Б. Гольдовский, еще может быть кое-кто из этой группы).

Твой юбилей будет отдыхом и радостью для нас. Ты так многозначителен и так по всему внутреннему складу по-настоящему скромнен, что тебя, говоря вашим языком, надо выявить, и, пожалуй, в не твоего театра, то есть чтобы инициатива шла не от него, но чтобы, конечно, он вошел в организацию и выполнение этого праздника настоящей художественной мысли и творчества.

Тебе самому надо услышать, кто ты есть. По-моему, мы все тебя эксплуатируем, кто как может, и мало ценим то, что ты нам дал. Эту несправедливость надо исправить полностью и не откладывая.

Я прошу тебя не отвечать мне ничего на это письмо. Я все равно это сделаю, если ты и забрыкаешься. Ты видишь, отойдя от себя в

сторону, что сделать это – долг тех, кто понимает и твою сущность, и все созданное тобою, и своевременность освещения и той, и другого.

Моя фантазия увлекает меня дальше: я придаю этому дню, дню твоего чествования огромный смысл общего порядка. Надо хоть одной группе совершенно особым, далеким от политики, путем засвидетельствовать значение культурной силы и ее влияния на жизнь.

Все, что о тебе лично надо и хочу я сказать, я скажу тогда, продумав и пережив каждое слово. Теперь не буду ничего писать.

Я тебя, действительно, глубоко люблю и высоко ценю. Может быть, даже в моем отношении к Художественному театру наполовину говорила ревность к нему за тебя, за то, что он увел тебя от Малого. С тобою он теперь был бы иным.

Целую тебя, как люблю, мой дорогой, дорогой Володя.

Твой А.

М.Н. Ермолова – К.С. Станиславскому

Вторая половина ноября 1917

Москва

Прошу принять мой сердечный привет, дорогие друзья и товарищи! Я радуюсь, что общая беда объединила нас вместе! Сама я совершенно разбита и душой, и телом и не могу никуда выйти. Да я на заседаниях человек бесполезный, могу только вам сказать, что всей душой вместе с вами! Да поможет нам всем Бог!²⁰

Мария Ермолова

П.А. Кропоткин – К.С. Станиславскому

23 декабря 1917

Москва

Дорогой Константин Сергеевич!

Душевно благодарю Вас за Ваше приглашение на сегодняшнюю генеральную репетицию²¹. Вы знаете, как Софья Григорьевна и я ценим работу Художественного театра, и быть сегодня со всеми вами было бы особенно приятно.

Но – скажу Вам правду. Душевное настроение – такое, особенно в эти дни, что даже тяжело быть на людях.

Крепко жму Вашу руку.

П. Кропоткин

Борис Кустодиев. Большевик. 1920

Н.А. Знаменский²² – К.С. Станиславскому

20 ноября 1915–1917

Действующая армия

Многоуважаемый Константин Сергеевич!

Трудно передать в этом письме те чувства восторга и радости, охватившие меня по получении дорогой Вашей весточки. Находясь вдали от Вас среди высоких снежных гор с вершиной Арарата, пустынного дикого края, среди безысходной тоски и печали о родине, нет для меня большей радости, как та, которую я получил от Вас, с гербом родной «Чайки».

Прочитав Ваше письмо, я почувствовал ласку, любовь ко мне, если я ее заслуживаю, – а главное привет от Вас как родного отца. Память о Вас как великом учителе и человеке не умрет в моем сердце никогда! Пусть Ваше письмо послужит мне реликвией и залогом для будущего, если судьба снова сведет меня с Вами. Я чувствую сам, что недалек рассвет нашей многострадальной родины. Исчезает понемногу грусть, исчезают и сомнения.

Тяжела была разлука с Вами и с той великой школой, где я многое познал и многому научился. С какой приятной завистью читаешь

иногда газету с московской театральной хроникой и видишь, что где-то, вдали от нас горит пышный храм чистого искусства, на который смотрит не только Россия, но и народы великого Запада.

Быть в нем, работать с Вами – уже есть счастье для каждого из нас, начинающих актеров. К Вам идет и стремится молодая толпа, «как к Давиду – радующему людей», и просит от Вас света и знания правды жизни в искусстве.

Теперь у меня осталось одно желание, одна надежда, чтобы тяжелое время сохранило Вас бодрым, как всегда сильного духом, на благо будущей светлой России и великого Вашего детища, Художественного театра.

Я, как и все мои юные товарищи по театру, дышали Вашими заветами, и потерять связь с Вами нам равносильно утратить жизнь. Не по дням растут молодые ветви от хорошего прочного дерева, и будет время, когда всё превратится в молодой прекрасный сад.

Дай Бог, чтобы рядом с молодой жизнью, рука об руку, Вы сами могли любоваться плодами, прочно посеянными Вами. Все это мне напоминает о маленькой героической Сербии, ей хочется кричать: «Живио* Сербия!...». Вам же «живио молодой Художественный театр!».

О себе лично, дорогой Константин Сергеевич, нового ничего прибавить не могу. Одно могу сказать: что, благодаря Бога, пока жив и здоров. Страна наша дикая, но по природе очень красивая. Кругом горы, бесконечные горы, покрытые снегом, а над ними голубое лазурное небо. Небо в Турции особенно красиво. Всюду прошел разрушительный Марс и многое сровнял с землею. Жители, как кроты, живут в саклях, и образом жизни напоминают каменный век. Многое бы мог порассказать еще, но не хватит письма²³.

Если, Бог даст, благополучно вернусь в родные очаги, то расскажу наяву все.

А теперь позвольте мне низким поклоном благодарить Вас, сердечный Константин Сергеевич, за память, любовь, привет, ласку и за все, за все добро, оказанное не по заслугам мне. Мой горячий привет и наилучшие пожелания Вашему ближайшему коллеге Владимиру Ивановичу и всем моим товарищам, а также Вашей супруге Марии Петровне. Дай Бог Вам здравствовать на многие лета!

Преданный Вам ученик *Н. Знаменский*

* Да здравствует (серб.).

Неустановленное лицо – К.С. Станиславскому
19 ноября, не позднее 1917
Москва

Я самая обыкновенная, серая девушка, и вот осмелилась послать Вам мой привет и благодарность.

И я всю жизнь рвалась в Москву, но моя мечта исполнилась, и я учусь здесь. Жизнь у меня не очень счастливая, но Ваш театр дает мне бодрость и силы.

Вы делаете что-то такое большое и прекрасное, что я плачу от счастья, когда слушаю у Вас Чехова, который для меня лучше всех. А в жизни я никогда не плачу, потому что не умею.

Простите, что я осмелилась Вам это сказать, но у меня все это время, что я в Москве, росло желание послать Вам привет и горячую благодарность за то счастье и свет, который я впервые увидела в течение своей печальной жизни благодаря Вам.

Спасибо. Теперь легче жить. Спасибо.

Лина

А.Г. Коонен – В.В. Лужскому
Февраль (после 20-го) 1918
Москва

Дорогой Василий Васильевич, до сих пор никак не могла собраться ответить на Ваши «каракульки»²⁴, которым очень обрадовалась.

Очень меня порадовало, что Вам понравился «Обмен»²⁵, который лично я считаю огромным спектаклем, конечно не как «хороший», «гладкий», хорошо сыгранный спектакль, а как некий очень несовершенный эскиз некоторых «дерзновенных» творческих ощущений.

И дай нам Бог подольше не приходить к «честным», «хорошим» спектаклям.

Ведь правда?

А то скучно станет жить на свете!

Почему не зашли ко мне, когда были на «Саломее»²⁶? Сказать свое «слово» одобрения или упрёка? Я была огорчена и даже немного обиделась.

Если еще будете у нас в театре (мы почти наверное с конца первой недели будем играть у «Максима»²⁷), непременно повидайтесь со мной. Хорошо?

А то совсем не приходится встречаться со старыми друзьями, а это вредно, правда?

Шлю Вам свой привет, очень искренний, жму Вашу руку.

Алиса Коонен.

Передайте мой привет Перетте Александровне. Если она меня еще не совсем забыла.

P.S. Между прочим, Ваши «каракульки» я разбирала часа два, и еще несколько слов остались таинственно непонятными.

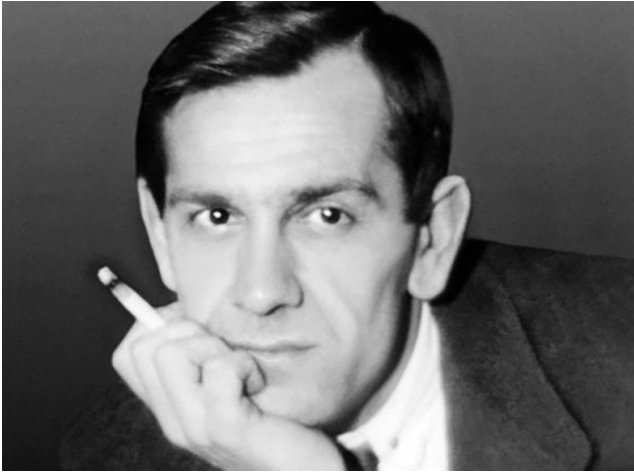
А.Д. Попов²⁸ – К.С. Станиславскому

7 апреля 1918

Москва

Глубокоуважаемый Константин Сергеевич!

Я очень извиняюсь, что обращаюсь к Вам с письмом, а не лично, но так я лучше и яснее выскажусь. Полтора года меня преследовала мысль об уходе из Художественного театра и Студии и о выезде из Москвы, а теперь я окончательно решил привести эту мысль в исполнение. Отношение театра ко мне хорошее, и жаловаться мне не на что, а просто я потерял вкус к моей теперешней жизни. Я люблю театр, а в театре меня ничто не радует – ни репетиции, ни спектакли. С одной стороны, я как будто делаю любимое дело, а с другой, вся работа является для меня безрадостным ярмом. Больше всего я люблю в самом себе художника, а этот художник с каждым годом все хиреет и хиреет, и вместо него крепнет самый скучный ремесленник. И лицо этого ремесленника особенно ясно для меня тогда, когда я слушаю музыку или попадаю за город – на природу. Минуты этого «прозрения» являются для меня теми звездами, по которым идет корабль в океан. Мне страшно хочется уберечь свою душу от косности и создать для себя такие условия, чтобы почаще приходили минуты этого «прозрения» и уберегали меня от повседневной обалделости, в атмосфере которой невозможны никакие достижения. В данном случае я говорю субъективно, – есть художники и писатели, которые живут и работают в столице, а есть такие, которые приезжают только на выставки и в типографии. Единственное, что здесь может возбуждать мою творческую энергию, это – желание сделать карьеру, занять приличное положение и т. д., но этого возбудителя для меня недостаточно, да и вообще это занятие кажется мне скучным и преждевременным.

А.Д. Попов

Вот, в неясных определениях «побудители» моего решения, а еще есть и «соблазнитель»: хочется бóльшей самостоятельности, бóльшего соприкосновения с природой, хочется жить в провинции, делать любимое дело, и в то же время чувствовать, что каждый год бывает март, апрель, август, сентябрь, а, живя в Москве, я почти забыл, как они выглядят. Хочется сознавать, что людям не все равно – «есть ты или нет тебя». Желание эгоистическое, но оно дает радость жизни.

В провинции, в особенности теперь, масса интересной работы. Мне предлагают организовать при губернском земстве студию-музей, которая должна давать «образцовые» спектакли для руководителей сельскими и уездными народными домами. Кроме того студия-музей должна вырабатывать художественные примитивы декоративных постановок, образцы бутафории и проч... Никаких ограничений в репертуаре и вообще в работе нет, пьесы можно готовить не спеша, с 50 или 40 репетиций. Работа эта меня очень увлекает²⁹. Режиссура и техника сцены меня давно интересуют, и я за эти 6 лет кой-чему научился в Театре и в Студии³⁰. Если бы Вы видели, какой там недостаток в руководителях, и если бы видели тех, кто этим заведует, Вы бы поверили, что я там буду полезен. В Москве из таких как я можно построить вторую Эйфелеву башню. А там даже я, такой зеленый, буду желанным и полезным.

Может случиться, что через год или два меня снова потянет в Москву – пусть так, но зато я тогда сумею оценить ее и приеду жадный и голодный до всех ее прелестей, ведь молодость на то и дана, чтобы «безумствовать», а быть мудрым с 25 лет, ей-богу, скучно! Испортиться как актер я там не могу, потому что не попаду ни под чье начало и не буду играть с трех репетиций, а займусь организацией и режиссурой.

Я извиняюсь, что пишу все так подробно и отнимаю у Вас время. Я Вас очень прошу, не сердитесь на меня, Константин Сергеевич. Решение мое не есть выдумка сегодняшнего дня, иначе поступить я не имею сил.

Я был бы очень рад и благодарен Вам, Константин Сергеевич, если бы, уходя, я мог думать, что имею возможность вернуться в Ваш Театр и Студию³¹.

Владимиру Ивановичу я тоже посылаю письмо.

Я, конечно, говорю об уходе по окончании этого сезона.

Еще раз прошу извинить меня за все.

Уважающий Вас *Ал. Попов*

А.В. Луначарский – В.В. Лужскому

27 августа 1918

Москва

Уважаемый Василий Васильевич!

Президиум I Всероссийского съезда деятелей по народному образованию³², созванного Государственной комиссией Народного комиссариата по просвещению, обращается к Вам, Василий Васильевич, с убедительной просьбой не отказать принять участие в закрытом концерте, устраиваемом для съезда 30-го сего августа в 5 час. вечера, в Большой аудитории Высших женских курсов.

Народные учителя в количестве 350 человек, присутствующие на Съезде с правом совещательного голоса, присоединяют свою горячую просьбу к Вам.

Для переговоров об условиях Вашего участия делегируются С.И. Куделин и В.А. Зиринг.

С искренним уважением,

Почетный председатель съезда

и Народный комиссар по просвещению *А. Луначарский*

Р.В. Болеславский – Вл.И. Немирович-Данченко

18 ноября 1918

Москва

Дорогой и уважаемый Владимир Иванович!

Сию ночь после «Иванова» и от волнения, большого горя и растерянности не могу прийти в себя. Волнуюсь все больше и больше: не могу поэтому ясно и убедительно бросать мои мысли – но думаю, что Вы, Владимир Иванович, поймете мой вопль.

Зачем? Зачем? Зачем Вы возобновляете «Иванова»?³³ Зачем Вы делаете этот грех перед славным прошлым Театра, перед Вашим художественным и общественным тактом, перед той молодежью, которая ютится возле Вас – перед теми, которые придут смотреть пьесу? Владимир Иванович, у Театра в прошлом – помимо его художественных заслуг и общих достоинств – была одна замечательная черта – Художественный театр всегда стоял впереди века. Впереди века! Вспомните, Владимир Иванович, что Вы сами, Вы открыли и показали нам всем Ибсена, Вы двадцать лет тому назад открыли глаза обществу на Чехова, Вы бросили все души наши к Метерлинку. Вы, когда мы засыпали, пробудили нас безумием Мити Карамазова. Вы, Вы все это сделали – так прекрасно – так смело – так вовремя – так раньше всех – у вас было такое изумительно чарующее прозвище как «буйные сектанты» – Вы с честью его несли – и сейчас все-все это бросаете во прах и в мировом оркестре пускаете неверную фальшивую ноту, да еще не в такт, на прекрасных медных инструментах. И чем они прекраснее, тем ужаснее эта нота. Ведь это поразительно. – Заметили ли Вы, что публикует и смеется над страданиями Шабельского – на страдания Иванова – на муки Шурочки. – А знаете почему? Потому что участия к ним не испытывает. Не такое время сейчас. Эти слезы, это горе мелки сейчас и никого задеть не могут. Это личные неприятности. Жизнь же бежит галопом вперед сейчас и обнимает, задевает и выдвигает только общее, великое, прекрасное, пусть иногда темное и беспорядочное. Вот, вот когда Художественный театр мог бы и должен играть первую скрипку – в той прекрасной гармонии, которая вскоре раздастся на весь мир, а не вступать с этим пиликаньем безволия, упадочности, ничегонеделания и личных скорбей. Мне обидно, что Театр потерял слух и не улавливает того, что сейчас нужно.

Р.В. Болеславский

Мы делаем глупость, играя «Праздник мира», – но у нас ничего пока больше нет³⁴. А у Вас есть «Бранд», «Штокман», «Юлий Цезарь», «Гамлет». Почему они молчат? Где они? Неужели неясно, что они должны говорить?

Дальше. Художественная сторона. Боже мой, неужели не ясно и не видно Вам, Владимир Иванович, что исполнение актеров, в особенности старых, прекрасно, изумительно, но архаично и не настолько даже, чтобы стать интересным. Сейчас в жизни все движет только страсть – одна страсть, а в «Иванове» все бесстрастно – они только прекрасно-печальны. Не время, не время сейчас для такого исполнения и таких изобразительных средств. А затем молодежь – как жестоко и ужасно Вы режете (простите за вульгарность) их³⁵. Ужасно жестоко. Молодежь создана для того, чтобы гореть. Вы ее помещаете в банку с водой и заставляете там гореть, получается шипение, дым – и больше ничего. Ведь холодная вода для молодежи – образы прежних исполнителей, в тысячу раз лучшие. Темп и игра старых актеров, играющих рядом, искуснее, поувереннее внешне, а потому бестрепетнее и холоднее. И наконец самые образы, которых ни один живой человек не может полюбить сейчас. Все это гибель, гибель для молодежи, и потому она в «Иванове» бесцветна, анемична и бледна.

Наконец, Владимир Иванович, все мы сейчас, все русское общество, вся Россия – это женщина, носящая в утробе своей новую жизнь, ребенка, прекрасного будущего человека, – нельзя, нельзя нас пугать и показывать нам уродов и насекомых, это же пугает и нервит. Нельзя, это может повлиять на облик будущего ребенка. Он должен быть прекрасным, великим. И показывайте матери, носящей его, только прекрасное, только великое, только светлое. Тогда войдет в кровь ребенка через мать вся сила, крепость и красота будущего и нового.

Владимир Иванович! А тех, что будут ходить на спектакли, Вы невольно, но прекрасно просто разагитируете их в пользу большевиков – вместо того, чтобы пробудить чувства правды, красоты и справедливости, что должны были бы сделать. Каждый скажет: браво, что большевики смели всю эту интеллигенцию, туда ей и дорога. И он будет прав. А разве Театр этого хочет и это должен делать? Нет, нет, Владимир Иванович! Происходит роковая, ужасная ошибка, и не давайте ей развиваться, не давайте! Моей любовью, любовью блудного сына к Театру я заклинаю Вас: верните и ведите Театр к возвышенному, романтическому репертуару и исполнению. У Вас для этого есть все, все, и Вам стоит только призвать всех по местам.

Не опоздайте, – через год-два будет поздно.

Владимир Иванович, заклинаю Вас, вникните в мое бездарное бормотание и поймите, что кровью сердца я пишу эти строки. Я хочу лучшего и прекраснейшего, чем то, что есть, а потому, что люблю, не могу молчать, и осмеливаюсь написать Вам это письмо. Не сочтите его дерзостью. Верьте моей любви к Вам и театру.

Ричард Болеславский

М.Н. Ермолова – Вл.И. Немировичу-Данченко
1917–1918³⁶

Дорогой Владимир Иванович, в этот год крови и слез трудно написать слово «поздравляю», да оно и не нужно. Теперь единственно, что есть светлого в жизни, это воспоминание о прошлом. А так как роль Анны в «Цене жизни» составляет для меня одно из лучших воспоминаний моей театральной деятельности, которая так близко связывала меня с Вашей деятельностью, то я в силу этого чуждого воспоминания шлю Вам мой сердечный привет и крепкое расположение к Вам, которое осталось неизменным.

Валентин Серов. Портрет М.Н. Ермоловой. Фрагмент. 1905

А затем, да сохранит нас всех Господь, больше нам не на что надеяться!

Всегда любящая Вас

М. Ермолова.

Мой сердечный привет Екатерине Николаевне.

*Публ., вступит. статья и коммент.
Инны Соловьевой и Ольги Егошиной*

¹ Имеется в виду отклик Немировича-Данченко на постановку пьесы Сумбатова «Ночной туман» (РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 1541). Сравнивая постановку ее в Малом театре и в Александринке, Немирович-Данченко писал: «Мои вкусы – на стороне александринцев. Не потому только, что тут темп и общая слаженность к 11-му представлению выше того же на вашей генеральной, но, главное, потому, что мне это искусство ближе: по простоте, легкости, отсутствию навязчивости и подчеркнутости и особенно сентиментальности. Замечательно рельефны в моих восприятиях от “Ночного тумана”...

очертания настоящего, искреннего, талантливое, крепко владеющего **самым строгим** вниманием зрителя (меня, в данном случае) и очертания того ложного, сентиментального, не настоящего, мною неприемлемого, что всегда было разного между мною и Тобой, от чего я всеми силами старался, с раннего времени, уйти, и что искусство Малого театра все еще культивирует» (*Немирович-Данченко Вл.И.* Творческое наследие. В 4 т. М.: МХТ, 2003. Т. 2. С. 534).

- ² Письмо написано под впечатлением о событиях Февральской революции 1917 г. в Петрограде.
- ³ У Б.М. Кустодиева были парализованы ноги.
- ⁴ Александр Васильевич и Евгений Васильевич Калужские, сыновья В.В. Лужского.
- ⁵ Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) – историк, с 1907 года – приват-доцент, с 1918 г. – профессор Петербургского университета. Секретарь секции русской истории Исторического общества, читал лекции в Женском педагогическом институте и на Высших женских курсах.
- ⁶ Юлия Петровна Преснякова – жена А.Е. Преснякова; Аля – сын А.Е. Преснякова.
- ⁷ С падением царизма пьеса Андреева «Савва» освобождалась от цензурного запрета.
- ⁸ Цитата из «Самсона в оковах».
- ⁹ Профессор Николай Андреевич Гредискул был коллегой Л.Н. Андреева по работе в газете «Русская воля» (декабрь 1916 – ноябрь 1917).
- ¹⁰ Низложенный император Николай II.
- ¹¹ Иван Логгинович Горемыкин вместе с другими государственными деятелями был арестован после Февральской революции и должен был предстать перед Следственной комиссией Временного правительства.
- ¹² В Таврическом дворце заседала Государственная дума.
- ¹³ После Февральской революции и ухода В.А. Теляковского с его поста Ф.Д. Батюшков работал в Александринке, называясь главным уполномоченным Временного правительства.
- ¹⁴ Вопрос о приглашении Елизаветы Ивановны Тиме в труппу МХТ обсуждался на заседании Правления 13 мая 1917 г.; запротоколировано: «Владимир Иванович просит правление сговориться с Е.И. Тиме, вступающей в труппу 1 сентября 1917 года на один год, – о материальных условиях». Тут же приписка: «15 мая Е.И. Тиме прислала Владимиру Ивановичу письмо с отказом».

- ¹⁵ А.И. Южин принял на себя те обязанности уполномоченного Временного правительства по московским государственным театрам, которые отклонил Вл.И. Немирович-Данченко.
- ¹⁶ Вавилова (Сахарова-Вавилова) Екатерина Николаевна (1886–1964) – агроном и специалист по экономике сельского хозяйства, секретарь Общества сближения с Англией, председателем которого с сентября 1917 г. был П.А. Кропоткин. Первая жена академика Николая Ивановича Вавилова.
- ¹⁷ Революционер-изгнанник князь П.А. Кропоткин вернулся в Россию 30 мая 1917 г., прибыв через финскую границу на Финляндский вокзал в Петрограде. 15 августа 1917 г. в Петрограде Кропоткина посетил Керенский, предложивший ему войти в состав нового правительства. Петр Кропоткин был в числе выступающих на Государственном совещании Временного правительства в Москве. Тогда же было принято решение остаться в Москве, поначалу у знакомых на Большой Никитской, а затем П.А. переехал с женой в уездный Дмитров (60 верст от Москвы), где П.А. Кропоткин и окончил свои дни.
- ¹⁸ После Февральской революции М.Ф. Андреева была председателем Художественно-просветительского отдела Петроградской городской думы по управлению городскими народными домами. В частности, она занималась реорганизацией упоминаемого Народного дома.
- ¹⁹ Первая пьеса Вл.И. Немировича-Данченко была поставлена 5 октября 1882 г., в связи с чем в октябре 1917 г. отмечалось 35-летие его сценической деятельности. Чествование, о котором заботится Южин, состоялось 10 октября 1917 г. Немирович-Данченко и позднее (в 1918 г. в связи с 20-летием Художественного театра) отказывался от предлагавшегося чествования. В архиве А.И. Южина есть письмо Немировича-Данченко: «Я все о том же: о чествовании Художественного театра в Малом в лице Станиславского и моем. Не надо этого!!! Всей своей интуитивной силой и всеми доводами из головы, без всяких колебаний убежденно говорю: не надо! Смешно! Не могу придумать соображений, оправдывающих это повторение бывшего. Поверь мне, дорогой Саша, что здесь во мне говорит только наше общее достоинство в наших собственных глазах, твое, мое, Станиславского» (РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. №1541. Л. 62).
- ²⁰ 22 ноября 1917 г. группа Малого театра пришла в Художественный театр, чтобы договориться о согласованной творческой деятельности в новых политических условиях. По-видимому, письмо Ермоловой

написано к этой встрече двух театров. После 25 октября (по старому стилю) спектакли в двух театрах временно прекратились. В дни вооруженного восстания пострадало помещение и часть имущества Малого театра (что сильно обеспокоило Марию Николаевну). Станиславский в своем выступлении на встрече Малого и Художественного театра сказал, что «первый практический шаг объединения сил может быть сделан немедленно: оба театра выразили готовность играть для трудовых масс в районных театрах». (*Русские ведомости*, 23/ XI).

- ²¹ 23 декабря 1917 г. была генеральная репетиция «Двенадцатой ночи» Шекспира в Первой студии Художественного театра.
- ²² Знаменский Николай Антонович (1884–1921) – актер Московского Художественного театра с 1907 г. и до конца жизни. Безотказный в многочисленных вводах, он, однако, стал заметен в спектаклях: «Анатэма» Л. Андреева (Охраняющий заветы), «Гамлет» У. Шекспира (Тень отца Гамлета), «Драма жизни» К. Гамсуна (Нищий Тю-Справедливость), «Синяя птица» М. Метерлинка (Время), «Каин» Дж. Байрона (Адам). В годы Первой мировой войны Н.А. Знаменский был призван в армию и служил на Кавказском фронте. К началу 1918 г. началось массовое дезертирство солдат – Кавказский фронт распадался, как и иные фронты. Знаменский вернулся в МХТ с 1918 г.; свою последнюю здесь роль – Адама в «Каине» успел сыграть в 1920 г. Жизнь Знаменского оборвал несчастный случай: он упал на сцене в открытый люк, остававшийся по оплошности не огороженным. «“Умер мой сын” – так сохранилась в памяти близких реакция Станиславского» (См.: В. Давыдов. Н.А. Знаменский. МХАТ 100 лет. В 2 т. М.: МХТ, 1998. Т. 2. С. 78).
- ²³ Русские и турецкие войска сталкивались в горной области возле Ара-рата, упоминаемой в письме. Описаниям военных действий Знамен-ский явно предпочитает в своем письме описание природы.
- ²⁴ Письма В.В. Лужского А.Г. Коонен нам неизвестны.
- ²⁵ «Обмен» П. Клоделя (премьера 20 февраля 1918) был единственной совместной постановкой А.Я. Таирова и Вс.Э. Мейерхольда (позднее в книге своих воспоминаний А.Г. Коонен оценивала «Обмен» как неудачу (См.: Коонен А. «Страницы жизни». М.: Искусство, 1975. С. 242).
- ²⁶ Спектакль «Саломея» О. Уайльда шел в Камерном театре с 9 октября 1917 г.
- ²⁷ «Максим» – театр, размещавшийся на Большой Дмитровке.
- ²⁸ Попов Алексей Дмитриевич (1892–1961) – режиссер, педагог, теа-тральный деятель. В 1912–1918 гг. – актер Первой студии МХТ и

Художественного театра. С 1918 по 1922 г. – руководитель Театра студийных постановок в Костроме. Вернувшись в Москву, стал режиссером Третьей студии МХТ (позднее Театра им. Евг. Вахтангова). В 1930–1935 гг. – художественный руководитель Театра Революции. С 1935 г. возглавлял театр Красной (потом Советской) Армии.

²⁹ В аналогичном письме Вл.И. Немировичу-Данченко Попов говорит об этом подробнее: «Мне предлагают организовать земскую студию-музей, которая служит художественным центром губернии, так как она должна давать “образцовые” спектакли для делегатов с мест, которые организуют в селах и уездных городах спектакли, студия должна вырабатывать художественные примитивы декоративных постановок и вообще удовлетворять насущнейшие нужды в области театра. Еще предлагают организовать в самом городе студию-театр на 200 мест, на две новых пьесы в месяц» (Музей МХАТ. Архив Н.-Д. №5393).

³⁰ До отъезда из Москвы А.Д. Попов имел опыт режиссерской работы над «Незнакомкой» А. Блока в Мансуровской студии (1916, не завершена). В Костроме он поставил «Розу и крест». Вслед за спектаклями, повторявшими репертуар Первой студии («Потоп», «Сверчок на печи» и т. д.), Попов срежиссировал в костромском Театре студийных постановок представление о Парижской коммуне, поставил «Волки» Романа Роллана, «Невероятно, но возможно» В.Ф. Плетнева, ряд других спектаклей.

³¹ Станиславский ценил А.Д. Попова и очень сожалел о его уходе. Впоследствии Попов вспоминал, что Станиславский вызвал его к себе домой – убеждал остаться в МХТ: «Мучительный разговор длился часа два. От задушевных, тихих интонаций Константин Сергеевич переходил в крик. Иногда мне становилось страшно за него. Мария Петровна Лилина, его жена, прославленная актриса Художественного театра, несколько раз приотворяла дверь, обеспокоенная и испуганная. Она боялась за сердце Константина Сергеевича, ей было совершенно непонятно такое волнение Станиславского по поводу ухода какого-то сумасбродного мальчишки». (*Попов А.Д.* Воспоминания и размышления о театре. М.: ВТО, 1963. С. 138).

³² I-й Всероссийский съезд по просвещению открылся в Москве 26 августа 1918 г. и закончил свою работу 4 сентября. Заседания проводились в здании Высших женских курсов. Перед делегатами (свыше 700 человек от отделов народного образования, учителей, работников

культурно-просветительских организаций) выступали А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, В.И. Ленин.

- ³³ Возобновленный «Иванов» был впервые показан 12 ноября 1918 г.
- ³⁴ Р.В. Болеславский имеет в виду репертуар Первой студии МХТ, где он был актером и режиссером.
- ³⁵ Из новых исполнителей в «Иванове» были заняты О.В. Бакланова (Саша), А.Д. Дикий (Львов), В.В. Готовцев (Боркин); среди гостей – Б.Г. Добронравов, Н.П. Баталов. Комментируя протест Болеславского против возобновления «Иванова», стоит заметить: в сезоне 1917/1918 гг. в афише Художественного театра все чеховские постановки присутствовали с наибольшей полнотой (по сравнению с предыдущими сезонами). К тому же, готовится «Чайка» с новыми исполнителями М. Чеховым и А. Тарасовой. Настроенность Болеславского против «Иванова» вполне может быть связана с душевным состоянием режиссера, которому не дают закончить его поистине романтический спектакль «Балладину». «Иванов» после возобновления на афише МХАТ задержался довольно долго и в мемуарах М.О. Кнебель есть замечательное, относящееся именно к этому времени, описание того, как Станиславский играет Шабельского.
- ³⁶ Дата устанавливается предположительно: в октябре 1917 г. отмечалось тридцатипятилетие драматургической деятельности Вл.И. Немировича-Данченко; в декабре 1918 г. – его шестидесятилетие. Дата – 1915 г. – предложенная первыми публикаторами письма (кн. «Малый театр 1824–1974», т. 1, «1824–1917», М.: ВТО, 1978) – неубедительна. Так как в 1915 г. Немирович-Данченко не отмечал никаких праздничных дат, а поздравлений с началом театрального сезона или с «круглым» числом представлений Ермолова никогда в МХТ не отправляла.